

Предисловие «Полки»

Летопись условного русского города, в которой смешное перемешано со страшным. Салтыков-Щедрин пишет сатиру на современную ему Россию под видом сатиры на русскую историю — и создает сатиру на русскую вечность.

Лев Оборин

О ЧЕМ ЭТА КНИГА?

Летопись истории условного российского города Глупова и хроника правления гротескных, омерзительных и устрашающих градоначальников. Глупов ищет себе князя, страдает от механических выкриков «не потерплю» и «разорю», печет пироги по уставу, переживает период идолопоклонничества, превращается в казарму, горит, голодает и тонет. В «Истории одного города» часто видят фантастическую сатиру на историю России, но за этим смыслом скрывается еще один: книга Щедрина — о «русском неизбывном», о внеисторических, роковых чертах национальной ментальности. Начинаясь как фарс, к финалу «История одного города» достигает размаха эсхатологической антиутопии.

КОГДА ОНА НАПИСАНА?

Замыслы, относящиеся к «Истории одного города», возникали у Щедрина еще в конце 1850-х. К этому времени относятся и «Губернские очерки» — подступы к мрачной сатире «Истории». Непосредственно над «Историей» Щедрин работает в 1869–1870 годах, параллельно с «Помпадурами и помпадуршами». План книги менялся, даже когда публикация уже началась: например, в первой редакции «Описи градоначальникам» нет Угрюм-Бурчеева — самой заметной фигуры в итоговом варианте «Истории одного города».

КАК ОНА НАПИСАНА?

«История одного города» — это историческая хроника, которую последовательно

ведут несколько летописцев. Сообразно с описываемыми эпохами меняется и стиль повествования. Салтыков-Щедрин прибегает ко всему арсеналу сатирических приемов: «История одного города» полна аллюзий на реальные события, иронических ссылок на официально признанных историков, нарочитых анахронизмов, гротескных деталей, говорящих фамилий и вставных документов, блестяще пародирующих бюрократический абсурд. Салтыков-Щедрин укрывается под маской публикатора архивов, но не старается скрывать свое вмешательство в «материал».

Уже при жизни Щедрина часто сравнивали с Гоголем. «История одного города» подтверждает правомерность этих сравнений — не только потому, что Щедрин высмеивал мир чиновничества, но и потому, что он поэтично и по-настоящему страшно описывал катастрофы.

ЧТО ПОВЛИЯЛО НА АВТОРА?

В случае с «Историей одного города» уместнее говорить скорее не о влиянии, а об отталкивании — в первую очередь от официальной историографии, представляющей историю страны как историю правителей, и от казенного стиля распоряжений, предписаний и служебных записок, с которым Щедрин познакомился в годы своего вице-губернаторства в Рязанской и Тверской губерниях. Описание нравов в «Истории одного города» и «Помпадурах и помпадуршах», а до этого в «Губернских очерках» наследует «физиологической» очерковой традиции натуральной школы. Важны для книги Щедрина и русские юмор и сатира

1860-х — тексты Козьмы Пруткова, публикации «Искры» и «Свистка».

Прямое влияние на «Историю одного города» оказал стиль Тоголя, причем не только сатирический (можно вспомнить inferнальное описание пожара в Глупове). На замысел, вероятно, повлияла и пушкинская «История села Горюхина». Опосредованно воздействовали на Щедрина великие европейские сатирики: Франсуа Рабле, Джонатан Свифт, Вольтер. Возможный претекст «Истории одного города» — роман Кристофа Виланда «История абдеритов» (1774) — сатира на немецкую провинцию, скрытая за описанием жителей фракийского города Абдеры, которые с Античности имели репутацию дураков и простодиль, европейских глуповцев. Впрочем, нет свидетельств, что Щедрин был знаком с романом Виланда; из известных сатирических хроник ему точно попался на глаза памфлет Эдуара Лабулэ «Принц-собачка», публиковавшийся в «Отечественных записках». В конечном счете «История одного города» глубоко оригинальна — Тургенев, прекрасно знавший европейскую литературу, назвал книгу Щедрина «странной и поразительной».

КАК ОНА БЫЛА ОПУБЛИКОВАНА?

В журнале «Отечественные записки» в 1869–1870 годах. Этот журнал, в редакцию которого входил Щедрин, был единственным изданием в России, где такое острое произведение могло быть опубликовано.

Первое книжное издание «Истории одного города» вышло в 1870 году

и серьезно отличалось от журнальной версии: Щедрин убрал из окончательного варианта множество отступлений и рассуждений — очень остроумных, но замедляющих движение текста. Впоследствии он еще дважды возвращался к «Истории одного города» и перерабатывал ее для новых публикаций — последнее прижизненное издание вышло в 1883 году. Первое научно выверенное издание появилось в 1926 году в первом томе собрания сочинений Щедрина, за его подготовку отвечали Константин Халабаев и Борис Эйхенбаум. Другое научное издание вышло в Academia в 1935-м. Сегодня мы читаем «Историю одного города» по тексту последнего прижизненного издания с учетом работы советских литературоведов.

КАК ЕЕ ПРИНЯЛИ?

В критике большинства современников «История одного города» «не нашла должной оценки и общего признания»: произведение рассматривали только как «историческую сатиру», экскурс в прошлое. Такую оценку дал книге Тургенев: «...слишком верная, увы! картина русской истории». В том же духе высказался Алексей Суворин, автор задевшей Щедрина рецензии в «Вестнике Европы». Суворин видел в «Истории одного города» «глумление над глуповцами», Щедрин (прочитавший это как «глумление над народом») горячо возражал и даже опубликовал в ответ критику. Другие современники понимали, что Глупов — сатира не только на прошлое, а скорее на российскую жизнь вообще, в том числе на ее провинциальность. В этом контексте к «Истории

одного города» не слишком сочувственно отсылает Достоевский в «Бесах»; примечательно, что в «Истории одного города» действует градоначальник с фамилией одного из персонажей «Идиота» — Фердыщенко, и постсоветские исследователи нашли немало параллелей между этими двумя произведениями, главным образом в части критики социалистического утопизма.

ЧТО БЫЛО ДАЛЬШЕ?

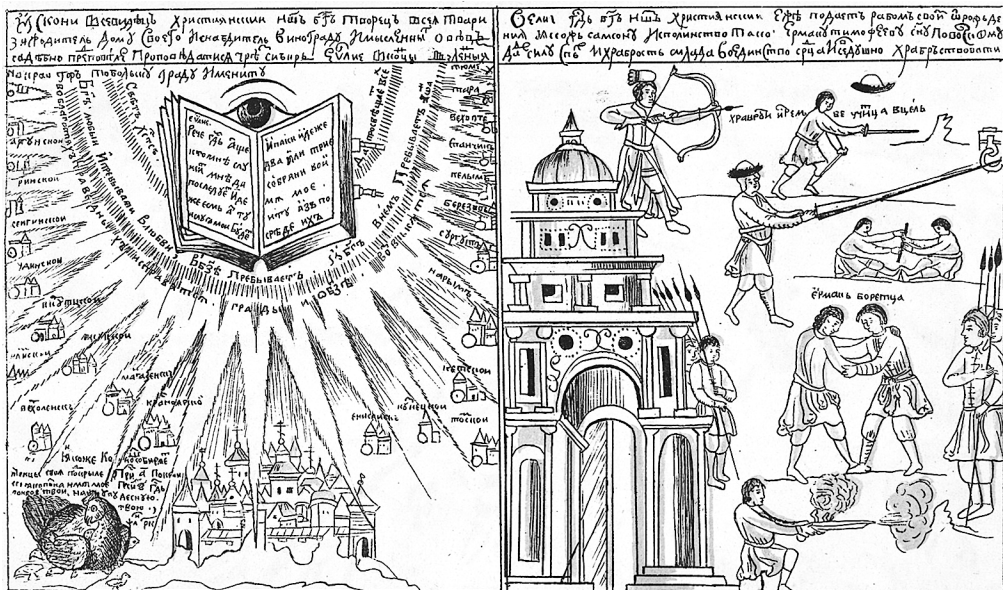
Писатели следующих поколений подчеркивали неизбежную актуальность «Истории одного города»: «Когда я стал взрослым, мне открылась ужасная истина. Атаманы-молодцы, беспутные Клемантинки, рукосуи и лапотники, майор Прыщ и бывший прохвост Угрюм-Бурчеев пережили Салтыкова-Щедрину. Тогда мой взгляд на окружающее стал траурным», — писал Михаил Булгаков². Стиль Щедрин оказал влияние на лучших советских сатириков, таких как Ильф и Петров и Юрий Олеша, на произведения Булгакова и Платонова³. В то же время советская пропаганда отвела Салтыкову-Щедрину место в пантеоне революционных демократов, примерно соответствующее положению Гоголя в предыдущую эпоху; в 1952 году Сталин произнес фразу: «Нам нужны Гоголи. Нам нужны Щедрины» — и на короткое время «Гоголи и Щедрины» стали частью культурной повестки. Инерция идеологии сохранялась в щедриноведении и после Сталина, но постепенно «Историю одного города» начали рассматривать в контексте мировой сатиры⁴

и — не без оснований — видеть в последних главах скепсис по отношению к «революционной демократии»⁵. В 1989 году режиссер Сергей Овчаров снял по «Истории одного города» фильм «Оно» — в этой экранизации проводятся явные параллели с историей не только царской России, но и СССР.

Жанр сатирической хроники (в том числе хроники будущего), изобилующей анахронизмами, сказывается в таких новейших произведениях, как «Палисандрия» Саши Соколова⁶ и романы Виктора Пелевина 2010-х. Наконец, в 1990-е современный писатель Вячеслав Пьецух опубликовал два прямых продолжения «Истории одного города» — повести «История города Глупова в новые и новейшие времена» и «Город Глупов в последние десять лет».

«ИСТОРИЯ ОДНОГО ГОРОДА» — ПАРОДИЯ НА ТРАДИЦИОННУЮ ИСТОРИОГРАФИЮ?

Формально «История одного города» — это опубликованные Щедриным документы «Глуповского летописца». Так называется собрание исторических сведений, которые записывали глуповские архивариусы (их четверо — явная ироническая отсылка к евангелистам; двое из них носят гоголевскую фамилию Тряпичкин). Щедрин имитирует «церковно-книжный витийственный слог»⁷, но в то же время — современную ему историографию: книги Николая Костомарова, «государственную» историю Бориса Чичерина и Владимира Соловьева. Достается, причем с упоминанием имен, менее серьезным

Семен Ремезов. Краткая сибирская летопись. Фрагмент. Конец XVII века — 1703 год.
Щедрин пишет «Историю одного города» в летописной манере

«фельетонистам-историкам» (Михаилу Семевскому, Петру Бартеневу, Сергею Шубинскому) и беллетристам, пишущим на исторические темы. По словам Дмитрия Лихачева, писатель «пародирует не столько летопись, сколько историков государственной школы, использовавших особенности летописного изображения исторического процесса для обоснования своих положений»⁸. Лихачев добавляет, что «летописная манера изображения давала неограниченные возможности для сатирического изображения действительности»⁹. Таким образом, отсылка к «делам давно минувших дней» — это ширма для более глубоких обобщений.

Само устройство «Истории одного города» — пародия на традиционный подход к истории народа как к истории правителей. С такой подачей истории русский

читатель сталкивался с детства, например в «Истории России в рассказах для детей» Александры Ишимовой. Практически все элементы мифа о возникновении русской государственности, в частности норманнская теория о призвании варягов, у Щедрина жестоко пародируются. Даже количество градоначальников Глупова «явно намекает на число русских царей»¹⁰. На частную историю провинциального Глупова проецируются события и термины «большой истории»: высокая политика и военные кампании (от сношений Беневоленского с Наполеоном до осады «клоповного завода» в главе о шести градоначальницах). Это создает комический эффект довольно древнего свойства: можно вспомнить древнегреческую «Войну мышей и лягушек» и «Битву у книги» Джонатана Свифта.

Стоит упомянуть еще об одной пародии на официальную историографию, написанной почти одновременно с «Историей одного города», — стихотворении Алексея К. Толстого «История государства Российского от Гостомысла до Тимашева», лейтмотив которого — все то же отсутствие в России порядка, отмеченное в «Повести временных лет». Стихотворение не публиковалось при жизни Толстого и ходило в списках. По мнению Щедрина-веды Дмитрия Николаева, «История одного города» избежала такой участи благодаря гротескным, полуфантастическим чертам, сбившим с толку цензуру¹¹.

ЧТО ЕЩЕ ПАРОДИРУЕТ САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН?

В «Истории одного города» очень важное значение имеют пародии на бюрократический стиль документов XVIII–XIX веков — «Оправдательные документы». Здесь есть написанные градоначальником Бородавкиным «Мысли о градоначальническом единомыслии» и созданный градоначальником Беневоленским «Устав о добропорядочном пирогов печении», регламентирующий вполне естественный ход вещей — не без выгоды для законодателя: «По вынутии из печи, всякий да возьмет в руку нож и, вырезав из середины часть, да принесет оную в дар». В «Оправдательных документах» использованы целые пассажи из «Свода законов Российской империи»¹². Это была материя, в которой Щедрин, одно время сам крупный чиновник, разбирался прекрасно. Кроме того, перед глазами у него был пример подобной пародии — «Проект:

о введении единомыслия в России» Козьмы Пруткова.

Для очерковой традиции 1860-х годов, к которой примыкает «История одного города», характерны иронические отсылки к Библии и другим религиозным текстам. Как указывает исследовательница Татьяна Головина, «ассоциации с Ветхим и Новым Заветами пронизывают все главы и все уровни текста» книги Щедрина¹³. Самый очевидный пример — глава «Подтверждение покаяния. Заключение», которая оканчивается апокалиптической катастрофой Глупова. Но в книге есть и множество других аллюзий: «усекновение головы майора Прыща» (отсылка к Иоанну Предтече); строительство глуповцами башни до неба (подобной Вавилонской); уподобление развратного Фердыщенко и его любовницы Аленки ветхозаветным Ахаву и Иезавели; начальник плюет подчиненному в глаза и исцеляет его от слепоты (подобно Христу)¹⁴ и так далее. По словам Головиной, Щедрин развивает карамзинскую идею истории как «священной книги народов» и последовательно сопоставляет эпизод за эпизодом глуповской истории с библейскими сюжетами¹⁵. Градоначальники, уподобленные царям, не довольствуются этим: им необходимо «утвердиться в роли Бога»¹⁶ или ощутить себя его полномочными наместниками (у Щедрина они называются «от вышнего начальства поставленными»; как указывает комментатор Щедрина Г. Иванов, слово «вышний» в XIX веке употреблялось почти исключительно по отношению к Богу)¹⁷. Апогея эта тенденция достигает в правлении Угрюм-Бурчеева — за которым следует глуповский конец света.

САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН
НАМЕКАЛ НА КАКИХ-ТО
КОНКРЕТНЫХ ПРАВИТЕЛЕЙ
И КОНКРЕТНЫЕ
ИСТОРИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ?

Да, повсеместно. Даже названия племен, среди которых были и головотяпы-протоглуповцы, взяты из «Сказаний русского народа» Ивана Сахарова и пародируют перечисление племен в «Повести временных лет»; отсюда же — история о поиске князя, явно намекающая на призвание варягов. Зачастую в градоначальниках Глупова можно узнать сразу несколько исторических персон: так, в Угрюм-Бурчееве видится портрет не только и не столько страшного военного министра Аракчеева, сколько Николая I, который гордился своим наводящим ужас взглядом¹⁸. Существуют попытки сопоставить Угрюм-Бурчеева даже с Петром I¹⁹.

Сентиментальный Двоекуров и склонный к мистицизму Грустилов напоминают Александра I, а немец Пфейфер — Петра III. «Товарищ Сперанского по семинарии» Беневоленский — карикатура на самого Сперанского, о чем говорит уже его типичная для бурсака*¹ латинская фамилия, а виконт Дю Шарио, «по рассмотрении оказавшийся девицею», — отсылка к авантюристу Шарлю д'Эону де Бомону, послу Франции в России, который имел склонность переодеваться в женское платье. Градоначальники XVIII века выходят «из грязи» — они бывшие брадобреи, истопники, повара; все это — намеки на карьеру фаворитов и сановников при русских императрицах. Глава «Сказание о шести

градоначальницах» в карикатурной форме описывает эпоху дворцовых переворотов: в градоначальнице Ираидке узнается Анна Иоанновна, в Амалии Карловне — Екатерина II. Путешествие губернатора Фердыщенко по своим владениям — реминисценция поездки Екатерины в Тавриду и многочисленных показных вояжей российских губернаторов. Когда в 1761 году над Глуповом разражается буря, переламывающая пополам градоначальника Баклана, — это намек на «ту политическую бурю, которая взволновала Россию в 1762 году, внезапно оборвав жизнь слабоумного Петра III и возведя на престол его честолюбивую супругу»²⁰. Такие примеры можно множить и множить.

КТО ТАКИЕ
ГРАДОНАЧАЛЬНИКИ?

Слово «градоначальник» в официальном языке обозначало главу города, «выделенного из состава губернии в самостоятельную административную единицу вследствие его особого значения или географического положения»²¹. Градоначальника не нужно путать с городничим — главой полиции в уездном городе (гоголевский Городничий из «Ревизора» — фактический хозяин города, но его должность не аналог современного мэра или губернатора). Градоначальников назначал лично император. Это не очень-то соответствует и заштатности Глупова, и сомнительным качествам всех его правителей.

Почему же Щедрин говорит именно о градоначальниках? Вероятно, чтобы

*¹ Учащийся духовной семинарии, в просторечии — бурсы.

Здание пансиона Рязанской губернской гимназии.
Из альбома «Рязань в фотографиях XIX — первой трети XX века». 1868–1869 годы.
В 1858–1860 годах Щедрин служил вице-губернатором Рязанской губернии

усилить сатирический эффект и придать дополнительную «зыбкость», неконкретность статусу Глупова — «сборного города», представляющего всю Россию. Некоторые градоначальники у Щедрина демонстрируют вполне губернские, а то и царские замашки. А иные идут еще дальше: градоначальник Бородавкин втайне пишет устав «О нестеснении градоначальников законами», единственный пункт которого гласит: «Ежели чувствуешь, что закон полагает тебе препятствие, то, сняв оный со стола, положи под себя». Г. Иванов, комментируя это место, указывает на следующий рассказ Владимира Одоевского: «Губернатор Ховен присутствовал в губернском правлении (во время оно), и когда, в споре, показали ему Свод, он взял его и сел на него, говоря: ну, где же теперь ваш закон?»²²

ПОЧЕМУ ЩЕДРИН ПОДРОБНО ОПИСАЛ НЕ ВСЕХ ГРАДОНАЧАЛЬНИКОВ ГЛУПОВА?

Для этого есть несколько причин. Во-первых, фрагментарность, нецельность хроники — элемент пародии на архивную летопись, которая может не сохраниться целиком, или на публикаторскую стратегию «фельетонистов-историков», избравших для своих сочинений преимущественно анекдоты. Во-вторых, пародийно следуя за этими «фельетонистами», Щедрин исчерпывает «глуповский сюжет»: в тексте подробно описаны самые замечательные, самые типические, самые одиозные и «катастрофические» градоначальники; остальные правления — скорее штрихи к картине. Наконец, в «Истории одного города» есть прямое объяснение,

почему одни градоначальники запомнились глуповцам, а другие нет:

Бывали градоначальники истинно мудрые, такие, которые не чужды были даже мысли о заведении в Глупове академии (таков, например, штатский советник Двоекуров, значащийся по «описи» под № 9), но так как они не обзывали глуповцев ни «братцами», ни «робятами», то имена их остались в забвении. Напротив того, бывали другие, хотя и не то чтобы очень глупые — таких не бывало, — а такие, которые делали дела средние, то есть секли и взыскивали недоимки, но так как они при этом всегда приговаривали что-нибудь любезное, то имена их не только были занесены на скрижали, но даже послужили предметом самых разнообразных устных легенд.

ПОЧЕМУ ЩЕДРИН ТАК СИЛЬНО МЕНЯЛ ПЛАН «ИСТОРИИ ОДНОГО ГОРОДА»?

Такое часто бывает с большими произведениями, которые публикуются частями, — например, начало «Войны и мира» Толстого вышло под заглавием «1805 год» и по мере работы над продолжением план был переработан радикально. Салтыков-Щедрин тоже углублял замысел «Истории одного города», возвращался к этому произведению до конца жизни. Два самых заметных изменения — появление последнего глуповского главы Угрюм-Бурчеева, которого нет в первой опубликованной версии «Описи градоначальников». По мнению исследователя Владимира

Свирского, вести Угрюм-Бурчеева и передать ему действия так и оставшегося лишь в «Описи» Перехват-Залихватского Щедрин решил после раскрытия «нечаяевского дела» в конце 1869 года²³. Другой пример резкого изменения плана — полная переделка главы о градоначальнике Брудастом: из «Неслыханной колбасы» он становится механическим «Органчиком», а съедобная фаршированная голова достается другому градоначальнику — Прыщу. В результате галерея начальников обогащается. Возникают разные типы правителей — безмозгло-охранительный и безмозгло-либеральный²⁴.

ЧТО НА САМОМ ДЕЛЕ ВЫСМЕИВАЕТ ЩЕДРИН — ИСТОРИЮ ИЛИ СОВРЕМЕННОСТЬ?

«История одного города» — не только сатира на прошлое России с 1731 по 1825 год (даты из предуведомления). Щедринская сатира по сути своей вневременна. Сам Щедрин, отвечая в частном письме на рецензию Суворина, утверждал: «Мне нет никакого дела до истории: я имею в виду лишь настоящее. Историческая форма рассказа была для меня удобна потому, что позволяла мне свободнее обращаться к известным явлениям жизни». Далее, уже печатно, Щедрин вновь разъяснил свои намерения: «Не “историческую”, а совершенно обыкновенную сатиру имел я в виду, сатиру, направленную против тех характеристических черт русской жизни, которые делают ее не вполне удобною».

Это отлично чувствовали бдительные современники. Цензор, читавший

Мстислав Добужинский. Провинция 1830-х годов. 1907 год

«Историю одного города», говорил о проекте Бородавкина учредить воспитательный институт для градоначальников как о «приложении сатиры автора к настоящему положению вещей, а не к прошедшему времени»²⁵. Так читали «Историю одного города» и советские комментаторы (закрывая глаза на сходства угрюм-бурчевского Глупова с современным им тоталитарным общественным устройством).

Чтобы укрепить ощущение «совершенно обыкновенной сатиры», Щедрин всюду использует анахронизмы, которые намекают на самое недавнее прошлое. Далекое не все подобные отсылки

считываются легко: «История одного города» — журнальная проза, воспринимаемая читателем на фоне злободневного контекста периодики и во многом построенная на обыгрывании узнаваемых читателем актуальных аллюзий²⁶. Читателю здесь поможет реальный комментарий. Так, первоисточник идей глуповских градоначальников о связи просвещения с экзекуциями — реальные служебные записки губернаторов 1860-х. «Тайная интрига» панов Кшешпицольского и Пшекшицольского отражает настроения патриотической прессы конца 1860-х²⁷, маниакально списывавшей все беды России на «польскую»^{*1} интригу»²⁸.

^{*1} Царство Польское находилось в составе Российской империи с 1815 по 1915 год. В 1830 и 1863 годах поляки поднимают восстание, в обоих случаях оно заканчивается неудачей. Восстания усиливают антипольские настроения в России — на политические козни поляков списывают множество проблем в стране. После покушения Александр II первым делом спрашивает у стрелявшего в него Каракозова: «Ты поляк?»

Вздумавшие поклоняться Перуну глуповцы распевают современные Щедрина «славянофильские» стихи Аверкиева и Боборыкина, а потом спасаются статьями критика-почвенника Николая Страхова. Юродивый Парамон произносит загадочное заклинание «Без працы не бенды кололацы» (искаженное польское «*Bez pracy nie będzie kołaczy*», «Без труда не будет калачей») — фирменную фразу знаменитого юродивого Ивана Корейши, умершего в 1861-м. Его фигура знаменовала чрезвычайное распространение юродства в России; многочисленные религиозные помешательства глуповцев — отклик на это явление. Портрет губернатора-грека Ламврокакиса имеет отношение к реформе образования, после которой древнегреческий язык вернулся в гимназии в качестве обязательного предмета²⁹. Наконец, в главе «Голодный город» отражен реальный голод, обрушившийся на Россию в 1868 году. Подобные примеры можно еще называть и называть.

Но «настоящее» Щедрина — все же не календарный 1869 год, а историческое повествование. Хотя Щедрин называет его лишь формальным приемом, оно действительно полно отсылкой к российской истории. Напрашивается вывод, что история и современность в «Истории одного города» не разграничены, а слиты воедино: Глупов — это вечная Россия.

НА КАКИЕ ГОРОДА ПОХОЖ ГЛУПОВ?

Город Глупов появляется в очерках Щедрина еще до «Истории одного города» — это был типичный провинциальный русский

город, подходящая среда для сатирических упражнений. Глупов «Истории одного города» — место значительно более сложное: «Город стал каким-то странным, подвижным, изменчивым», — замечает Дмитрий Николаев³⁰. Глупов превращается в полигон для экспериментов концентрированной российской истории, в какое-то «заколдованное место»; в этом отношении он не претендует на сходство ни с одним реальным русским городом. Он оказывается «то уездным безвестным городишкой, то государством, империей»³¹, огромной территорией, граничащей с Византией. Кое-чем он напоминает и российские столицы: «...он заложен на болотине, сквозь которую протекает река, — как Петербург, и одновременно он расположен на семи холмах и имеет три реки — как Москва»³². Филолог Игорь Сухих сблизает Глупов с понятием «сборного города», как называл Гоголь место действия «Ревизора»³³.

Вместе с тем один реальный прообраз Глупова устанавливается легко и точно. Самоназвание глуповцев — головотяпы, согласно «Сказаниям русского народа» И. П. Сахарова, относилось к егорьевцам, однако в описании Глупова многое явно относится к Вятке (современный Киров), где Салтыков-Щедрин жил в ссылке в 1848–1855 годах. Название «Глупов» напоминает «Хлынов» (так называлась Вятка с 1457 по 1780 год), в главе «Войны за просвещение» Салтыков-Щедрин отсылает к легендарному побоищу между вятичами и устюжанами, память о котором отмечали местным народным празднеством — Свистопляской. С Вятки явственно списан и Крутогорск из более раннего произведения Щедрина — «Губернских очерков».

Станция Тверь. Из альбома Иосифа Гофферта
«Виды Николаевской железной дороги». 1864 год.
С 1860 по 1862 год Щедрин служил вице-губернатором Твери

КТО СОСТАВЛЯЕТ НАСЕЛЕНИЕ ГЛУПОВА?

Население Глупова довольно однородно (глуповцы часто делают что-то все как один — то пасут скот, то бунтуют против горчицы, то разрушают город) — и в то же время переменчиво по своему составу: «то вдруг у них оказываются «излюбленные» граждане и клуб, в котором играют в бостон; то у них появляется интеллигенция и попы, то опять различия ступеньваются»; «сословия в Глупове — вещь весьма призрачная»³⁴. Глуповский «бунт на коленях» напоминает скорее о литературных описаниях нравов русского крестьянства, а вот неудачный «дебют глуповского либерализма» (судьба Ионки

Козыря) — ироническая отсылка к русскому восприятию вольтерьянства. Глуповцы — модель общества, которое действует как единая масса, подчиняющаяся внешним факторам. Внутри себя она может быть разнородна, но она всегда противопоставлена власти и року. Эта пассивная противопоставленность помогает ей выжить: «Если глуповцы с твердостью переносили бедствия самые ужасные... то они обязаны были этим только тому, что вообще всякое бедствие представлялось им чем-то совершенно от них не зависящим, а потому и неотвратимым». Попытки самоорганизации оборачиваются хаосом: так, во время правления шести градоначальниц толпа пытается вести диалог с миром, расправляясь со случайными своими представителями.

ХОРОШИМ ЛИ ЧИНОВНИКОМ БЫЛ САМ САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН?

Государственная служба для Щедрина была делом предопределенным: поскольку он учился в Царскосельском лицее за государственный счет, то должен был провести на службе шесть лет³⁵. В 1844 году он поступил в канцелярию Военного министерства. Карьера вскоре прервалась: молодой Щедрин был вхож в кружок Михаила Буташевича-Петрашевского (то самый, за участие в котором едва не заплатил жизнью Достоевский), а выйдя из него, написал сатирическую повесть «Запутанное дело», где вывел радикалов-петрашевцев. Николаевская цензура, напуганная революционными событиями в Европе 1848 года, приняла сатиру Щедрина за подлинную пропаганду — и писатель отправился в ссылку в Вятку (черты этого города узнаются в Глупове). Там его приблизил к себе губернатор Аким Середа: ссыльный Щедрин получил должность советника вятского губернского правления и, в частности, «исправно свидетельствовал благонадежность самого себя»³⁶. «Вятский опыт государственной деятельности был мучителен и парадоксален, — пишет исследовательница Елена Грачева. — С одной стороны, Салтыков-чиновник в борьбе с беззаконием бросился наводить порядок и все силы употребил на то, чтобы привести жизнь в соответствие с Законом. С другой стороны, он каждый божий день убеждался в том, что Порядок в его российском варианте есть насилие ничуть не меньшее, чем беззаконие». Это убеждение в гипертрофированной форме представлено в «Истории одного города».

В 1855 году Щедрин получил помилование от нового императора Александра II, вернулся в Петербург и поступил на службу в Министерство внутренних дел. Вскоре он начал публиковать «Губернские очерки», в которых обобщал и свой административный опыт. Очерки стали очень популярными — и, по легенде, Александр II, прочитав их, сказал: «Пусть едет служить, да делает сам так, как пишет». Так Щедрин стал вице-губернатором Рязанской губернии — это была высокая, но непарадная должность, заставлявшая его входить в частные обстоятельства жителей и ревизовать работу местных ведомств. Дальнейшая карьера его была связана с Министерством финансов, он работал в Пензе и Туле. Грачева характеризует Щедрина-чиновника так: «Салтыков... везде днем и ночью искоренял злоупотребления, собственноручно перedelывал все плохо составленные бумаги, ревизовал нерадивых и внушал трепет и восхищение своим подчиненным. Он был отличный чиновник: умный, честный и компетентный, — но при этом чудовищный начальник и подчиненный: грубый, постоянно раздражавшийся и ругавшийся как извозчик, невзирая на лица. <...> Расплевавшись со всем начальством каким только можно, в 1868 году Салтыков выходит в окончательную и бесповоротную отставку. Когда М. И. Семевский будет беседовать с Салтыковым 6 февраля 1882 года, Салтыков скажет ему: «О времени моей службы я стараюсь забыть. И вы ничего о ней не печатайте. Я — писатель, в этом мое призвание»³⁷. Советский литературовед Яков Эльсберг (личность в истории русской филологии одиозная) пишет, что «острейшая ненависть Щедрина

к Глупову — это... ненависть к таким элементам идеологии, политики и быта, которые в той или иной форме были и в прошлом самого Салтыкова»³⁸.

НА КАКИХ ПРИЕМАХ
ПОСТРОЕНА
«ИСТОРИЯ ОДНОГО ГОРОДА»?
МОЖНО ЛИ НАЗВАТЬ
ЕЕ ГРОТЕСКОМ?

Гротеск, строго говоря, не обязателен для сатиры, но часто в ней присутствует. Для него характерно внимание к безобразному и фантастическому одновременно — и «История одного города», особенно первые ее главы, вся построена на этом сочетании. От механизированной головы Брудастого мы переходим к фаршированной (и отвратительно пожираемой) голове Прыща. У одного градоначальника присохли мозги «от ненужности в их употреблении», у другого «ноги были обращены ступнями назад». Оловянные солдатики наливаются кровью, оживают и рушат избы. Народный гнев проявляется в масштабных и немотивированных убийствах. И так далее, и так далее. Подобные события не превращают «Историю одного города» в заведомую сказку: как у фантастических реалистов XX века, они поражают, но встраиваются в логику произведения, в атмосферу места.

Еще один прием, обеспечивающий гротеск, — буквализация метафоры. Например, Елена Грачева указывает, что «Органчик» Брудастый «был порожден скорее оборотом речи»³⁹: в переписке Салтыкова фигурируют «дураки с музыкой и просто дураки»; «с музыкой» — то есть те, кто

как заведенные повторяют одно и то же. В позднесоветской неподцензурной литературе таким приемом активно пользовались концептуалисты, особенно Владимир Сорокин. Его «Норма» полна буквализованных языковых клише: буквальное понимание банальных и пошлых метафор из советской официальной поэзии создает гротескный эффект. И Сорокин, и Салтыков-Щедрин обращают особое внимание на язык, так или иначе идеологизированный, обеспечивающий общественную атмосферу.

ПОЧЕМУ
У «ИСТОРИИ ОДНОГО ГОРОДА»
ТАКОЙ МРАЧНЫЙ ФИНАЛ?

Чем ближе к современности, тем мрачнее становится «История одного города». Венчающая ее история Угрюм-Бурчеева, который отрубил себе палец ради любви к начальству и заморил свою семью в подвале, не имеет почти никакого отношения к юмору. Идеальный город, в который Угрюм-Бурчеев стремится превратить вверенный Глупов, — место, где в каждом доме живет одинаковое количество разнополых жителей; они должны, «во-первых, исполнять свойственные им работы и, во-вторых, — размножаться». Эти одинаковые люди, помимо работы, только беспрестанно маршируют, ходят в «манеж для коленопреклонений», а в «манеже для принятия пищи» получают «по куску черного хлеба, посыпанного солью». Такое описание находится уже за гранью сатиры и гротеска. Это настоящая антиутопия, предвестие романов Евгения Замiatина и Джорджа Оруэлла.

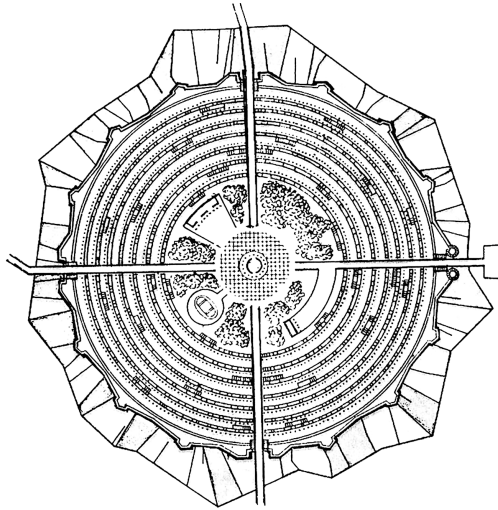

Иллюстрация к «Городу Солнца», утопическому труду Томмазо Кампанеллы 1602 года. В основе этой утопии — упразднение частной собственности и института семьи. Рождение и воспитание солариев, жителей Города Солнца, контролирует государство в соответствии с биологическими и астрологическими показаниями. Щедринский город-казарма — зеркальное отражение подобной социалистической утопии

В истории Угрюм-Бурчеева вновь разыгрывается вневременной сюжет. Так, в его стремлении «унять реку», чье течение неподвластно его геометрическим идеалам, чувствуются отголоски древней истории (вавилонский царь Кир наказывает реку Гинд, обмелив ее с помощью совершенно прямых каналов; его внук Ксеркс велит высечь море, в котором утонули его воины). Через сто лет после Щедрина у Александра Галича отставной сталинский следователь захочет отправить по этапу Черное море: «Ой, ты море, море, море, море Черное, / Не подследственное жаль, не заключенное! / На Инту б тебя свел за дело я, / Ты б из черного стало белое!»

Исторические предания — не единственный источник угрюм-бурчеевского сюжета. Город-казарма Угрюм-Бурчеева — зеркальное отражение социалистических

утопий Томмазо Кампанеллы, Шарля Фурье и Анри Сен-Симона, в которых свобода и рационализм превращаются в свои противоположности⁴⁰. Если у этих утопистов начальники живут на возвышении в центре города, то в гротеске Щедрина градоначальники буквально парят над городом. По мнению Владимира Свирского, абсурдная жестокость угрюм-бурчеевского Глупова — реакция Щедрина «на идею казарменного коммунизма нечаевского толка»⁴¹. (Советские интерпретаторы предпочитали этого не замечать; например, Евграф Покусаев пишет, что критика Щедриным коммунизма и социализма — скрытое обвинение императорской власти: «...тот самый скотский режим, который вы приписываете социализму, есть ваш режим, есть ваш порядок, именно такой строй жизни вытекает из принципов деспотического

монархизма, царского единовластия, из принципов всякого другого антинародного государственного института»⁴².)

Наконец — и это самое важное — мечты Угрюм-Бурчеева весьма близки к реальному российскому законодательству: «Строго регламентированный тюремно-казарменный распорядок занятий, исполнение «бесчисленного множества дурацких обязанностей», «телесные упражнения», «коленипреклонения», «шагание под бой барабана» — все это находим мы в XIV томе «Свода законов»⁴³. Получается, что гротеск лишь немного усиливает реальную административную волю, но этого достаточно, чтобы перевести повествование в план антиутопической фантастики.

ЧТО ТАКОЕ «ОНО»?

Идиотическая воля Угрюм-Бурчеева, как в современных антиутопиях о зомби, заражает всех обитателей Глупова: они сносят свой город, а затем будто прозревают и начинают бунтовать — но здесь нет никакой гражданственности, а есть, по словам комментатора Г. В. Иванова, только «стихийная защита жизни»⁴⁴. После этого Глупов переживает свой апокалипсис (к сюжету последней библейской книги здесь отсылает множество подробностей).

Если верить «Описи градоначальников», после Угрюм-Бурчеева в город на белом (опять-таки апокалиптическом) коне въезжает Архистратиг Стратилатович Перехват-Залихватский (архистратиг — именование архангелов, в древнегреческом языке это слово означало военачальника). Он вершит над Глуповом свой суд, который выражается по глуповским меркам вполне

обыденно: «сжег гимназию и упразднил науки». Но в финале последней главы никакого Перехват-Залихватского нет.

Зная, что Щедрин менял контуры замысла «Истории одного города» по мере ее написания и публикации, мы можем предположить, что Залихватский был в конце концов им отринут. Угрюм-Бурчеев — этот непреклонный идиот — неожиданно ясным голосом пророчески: «Идет некто за мной, который будет еще ужаснее меня», — и в самом конце, перед тем как с треском исчезнуть: «Придет...» И действительно, приходит некая катастрофа, которую Щедрин называет знакомым зрителям современного хоррора словом «оно»:

Север потемнел и покрылся тучами; из этих туч нечто несло на город: не то ливень, не то смерч. Полное гнева, оно несло, бурвя землю, грохоча, гудя и стеля и по временам изрыгая из себя какие-то глухие, каркающие звуки. Хотя оно было еще не близко, но воздух в городе заколебался, колокола сами собой загудели, деревья взъерошились, животные обезумели и метались по полю, не находя дороги в город. Оно близилось, и по мере того как близилось, время останавливало бег свой. Наконец земля затряслась, солнце померкло... глуповцы пали ниц. Неисповедимый ужас выступил на всех лицах, охватил все сердца. Оно пришло...

<...>

История прекратила течение свое.

В советском литературоведении⁴⁵ господствовала трактовка «оно» как революционной бури, после которой «началось

новое существование народа, взявшего власть в свои руки»⁴⁶. Но с тем же успехом можно представить «оно» как контрреволюционную бурю, страшную месть бунтовщикам, равной которой по силе еще не бывало в Глупове. Существуют попытки представить «оно» как правление Николая I, затмившее аракчеевскую реакцию. Однако эсхатологический накал предыдущих страниц таков, что политическая трактовка кажется слишком слабой. Скорее всего, перед нами вновь явление надысторического плана. Глупов, пройдя полный цикл, — может быть, исчерпав в рамках произведения свой демонстрационный ресурс, — прекращает существовать; нечто подобное произойдет в XX веке с городом Макондо у Габриэля Гарсиа Маркеса. Исследователю остается только архив, позволяющий восстановить хроники движения к катастрофе и сделать из них выводы.

В очерке 1862 года «Глупов и глуповцы», не входящем в «Историю одного города», Щедрин пишет: «Истории у Глупова нет». Исследователь Владимир Свирский считает, что вневременной Глупов оказывается “провалом” в истории мировой цивилизации», моделью обособленной от мировой цивилизации России в понимании Чаадаева⁴⁷. В таком случае конец Глупова — своего рода физическая месть истории, не терпящей «нигдешних мест». Показательно в этом смысле сравнить с «Историей одного города» роман Альфреда Кубина «Другая сторона» (1909), в котором гибнет еще один «город нигде», задуманный как утопия. Катастрофическое «оно» (варианты: «она», «это» и др.) предчувствуется и уничтожает города в произведениях русских последователей Щедрина: Василия Аксенова, Александра Зиновьева, Бориса Хазанова, Дмитрия Липскерова⁴⁸.

История
одного города

*По подлинным документам издал
М. Е. Салтыков (Щедрин)*

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru